

УДК 930.271

EDN YOXNCC

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-2-151-157>

Связывающие проклятия как инструмент реконструкции религиозной культуры классических Афин

В. П. Емельянова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Емельянова, В. П. (2023) Связывающие проклятия как инструмент реконструкции религиозной культуры классических Афин. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 5, № 2, с. 151–157. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-2-151-157>
EDN YOXNCC

Получена 12 июня 2023; прошла рецензирование 13 октября 2023; принята 13 октября 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. П. Емельянова (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эпиграфических памятников, объединяемых в группу связывающих проклятий, в контексте реконструкции религиозной культуры афинского полиса классического периода. Практика создания данных текстов (преимущественно на свинцовых носителях) была распространена на всей территории античного мира с конца VI в. до н. э. Связывающие проклятия (κατάθεσμοι, defixiones) традиционно относятся к разряду маргинальных магических практик античного мира. Однако в ритуале создания таблички с проклятием и в его тексте часто отражены особенности религиозного сознания создателя. Цель данной статьи — рассмотрение связывающих проклятий как инструмента реконструкции религиозной культуры Афин V–IV вв. до н. э. Источниками выступают надписи, включенные в самое первое издание Рихарда Вюнша (*Defixionum tabellae Atticae*), а также фрагмент греческого магического папируса, опубликованного Карлом Прайзенданцем. Значительное внимание уделяется анализу особенностей общественной жизни афинского города-государства, на материале текстов античных авторов классической эпохи прослеживается процесс разделения религиозных верований и суеверий, выделения магии в область маргинального. Далее на материале эпиграфических, археологических и литературных источников исследуются особенности практики связывающих проклятий, указывающие на черты религиозного сознания гражданина афинского полиса классической эпохи, в частности рассматриваются особенности лексики и синтаксиса проклятий, способам изготовления табличек, материалам и непосредственно ритуалу. В заключение указывается на ценность κατάθεσμοι как источника для изучения слабо описанных духовных практик V–IV вв. до н. э. Работа носит междисциплинарный характер.

Ключевые слова: связывающие проклятия, античность, религия, магия, полис

Binding curses as a tool for classical Athens' religious culture reconstruction

V. P. Emelyanova ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg, 191186, Russia

For citation: Emelyanova, V. P. (2023) Binding curses as a tool for classical Athens' religious culture reconstruction. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 151–157. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-2-151-157> EDN YOXNCC

Received 12 June 2023; reviewed 13 October 2023; accepted 13 October 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. P. Emelyanova (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article focuses on epigraphic records united in a group of 'binding curses' in the context of reconstruction of the Classical Athenian polis' religious culture. The practice of creating such texts (mainly on lead media) took place in the entire area of the ancient world since the end of the 6th century BC. Binding curses (*κατάδεσμοι*, *defixiones*) are traditionally classified as marginal magical practices. However, the ritual of creating curse tablets and the text of the curse often reflect peculiarities of the creator's religious consciousness. This article considers binding curses as a tool for reconstructing the religious culture of Athens of the 5th–4th centuries BC. The written accounts used in the study include the inscriptions published in the very first edition by Richard Wünsch (*Defixionum tabellae Atticae*) and a fragment of the Greek Magical Papyri published by Karl Preisendanz. Much attention is paid to analysis of the details of the Athenian city-state's public life. The article relies on the texts of classical period authors to trace the process of separation of magic and superstition and the process of magic becoming marginal. The article then uses material from epigraphic, archaeological and literary sources to examine the features of binding curses practice that are indicative of the specifics of the Athenian polis citizen's religious consciousness. In particular, the author considers the features of vocabulary and syntax of the curses, the methods of producing the tables, materials, and rituals themselves. In conclusion, the author stresses the value of *katadesmoi* as a source for the study of poorly documented spiritual practices of the 5th and 4th centuries BC.

The paper is interdisciplinary in nature.

Keywords: binding curses, antiquity, religion, magic, polis

Введение

Общеизвестность сюжетов древнегреческих мифов может создавать иллюзии близкого знакомства с античной религией, ее четкой структуры и высокой степени изученности. Однако религиозная культура греческого полиса V–IV вв. до н. э. весьма неоднородна. Это обусловлено процессами ее развития от архаических анимизма и фетишизма к иерархичному гомеровскому пантеону (со средоточием жреческой власти в руках аристократии), а от него — к общественным полисным культам.

К последнему периоду относится и широкое распространение связывающих проклятий как одной из множества маргинальных практик, переживавших расцвет параллельно с государственной религией полиса. При этом связывающие проклятия, оставаясь в поле магического и суеверного, отражают многие черты, присущие религиозной культуре современного им полиса и духовной жизни граждан. Целью данной статьи является рассмотрение связывающих проклятий как инструмента реконструкции духовной культуры Афин классического периода.

вающих проклятий как инструмента реконструкции духовной культуры Афин классического периода.

Феномен табличек с проклятиями

Термин «связывающие проклятия» (Binding Curses) используется для обозначения надписей магического содержания, создававшихся с целью «связывания», обезвреживания врага, конкурента, соперника (либо «привязки» возлюбленного). В тексте проклятия намерения автора выражены, как правило, глаголом, обозначающим соответствующее действие (например, древнегреческий глагол *κατάδεω* — «я связываю») (Емельянова 2017, 3). Наиболее распространенное и актуальное определение связывающим проклятиям (или *κατάδεσμοι*, как называли их сами древние греки) дал американский эпиграфист Д. Р. Джордан (D. R. Jordan), описав их как «исписанные фрагменты свинца, как правило, в форме небольших тонких листов, призванные воздействовать

сверхъестественными способами на действия или состояние людей или животных» (Jordan 1985, 151). Действительно, в подавляющем большинстве случаев материалом носителя является свинец, а цель создания таблички сам автор выражает в тексте проклятия. Как правило, если только текст не представляет собой перечисление имен в винительном падеже, намерения создателя выражаются глаголом со значением магического воздействия (т. н. *verba devotoria*). Наиболее частотным является глагол *κατάδεω* (*катадѳѳ* в аттическом варианте) — «я связываю». Практика создания связывающих проклятий зарождается, по всей видимости, на Сицилии в конце VI в. до н. э., а к V в. до н. э. распространяется и в афинском полисе (Eidinow 2007, 15). На сегодняшний день число обнаруженных эпиграфических памятников, относимых к данной категории, варьируется от полутора до двух тысяч. Примечательно, что наибольшее количество свинцовых табличек со связывающими проклятиями датируется именно V–IV вв. до н. э. — эпохой расцвета классической Греции, и в частности Афинского полиса. При беглом взгляде на сложившуюся к тому времени систему существования полиса, на духовный мир его гражданина, каким он предстает в трудах античных авторов и со сцен греческих ваз, такое широкое распространение практики *κατάδεσμοι* может показаться неоправданным. Однако детальное рассмотрение источников и анализ развития греческой мысли убеждают в обратном. Более того, связывающие проклятия, чаще всего приписываемые области суеверий и противопоставляемые общеполисным культовым практикам, становятся свидетельствами множества процессов полисной культуры Афин классической эпохи, в том числе и религиозных.

Духовная жизнь Афинского полиса Классической эпохи

Начать подробное рассмотрение культурного контекста Афин V–IV вв. до н. э., в котором связывающие проклятия становятся весомой частью религиозного сознания граждан, стоит с коренных изменений, происходящих в греческом обществе в это время. Французский антрополог Ж.-П. Вернан (J.-P. Vernant) весьма точно отмечал: «...отличительной чертой полиса является полная публичность наиболее важных проявлений общественной жизни. Более того, можно сказать, что полис существует лишь в той мере, в какой высвобождается обществен-

ная сфера, в процессе противопоставления общественных интересов личным» (Вернан 1988, 69). Это утверждение справедливо и для религиозной жизни города-государства: если в крито-микенскую и архаическую эпохи общение с богами, да и весь духовный мир были доступны лишь представителям знати (анаксу, базилеусу и т. д.), то становление полисной структуры в буквальном смысле вывело религию на улицы. Ритуалы молитвы и чествования богов-покровителей стали достоянием демоса, и демос же подвергает их строгой критике и надзору. В условиях гласности и секуляризации происходит упадок древних верований, лежавших в основе жизни грека еще с догомеровских времен. Именно в это время происходит разделение на магию и религию, на общественно-поощряемое и маргинальное. Ведь прежде границы магии и религии были сильно размыты, если не отсутствовали вовсе. Так, в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарх рассказывает об обязанности архонта накладывать проклятие (*ἀρεῖς ποιέεισθαι*) на каждого, кто посмеет вывезти за пределы афинского полиса какой-либо товар местного производства, кроме оливкового масла (Plutarch 1914, 470).

Однако все меняется в классическую эпоху. Это становится очевидным не только благодаря большому объему эпиграфического материала. Свидетельством отделения магии от религии и приобретения первой девиантного характера можно найти уже в первой речи оратора Демосфена, направленной против известного сикофанта Аристогитона: «Вы нечестивую Теориду, колдунью (*φάρμακίδα*) с Лемноса, и всю семью ее казнили за то, что они изготавливали магические снадобья...» (Demosthenes 1935, 562). Не менее яркое свидетельство находим в «Государстве» Платона: по его словам, «шарлатаны (*ἀγύρται*) и прорицатели (*μάντιες*), ошивающиеся у дверей богачей» предлагают навредить любому недругу с помощью «каких-то заклинаний и связывающих проклятий (*ἐλαγωγαῖς τισὶν καὶ κατάδεσμοῖς*)» (Plato 1909, 43). Помимо очевидно негативных коннотаций, данный фрагмент свидетельствует о таком уровне популярности данных магических практик среди афинского населения IV в. до н. э., который порождает появление профессионалов, оказывающих соответствующие услуги. Шведский исследователь античной религии М. Нильссон (M. Nilsson) объяснял такой расцвет суеверий именно «вакуумом в религиозной сфере» (Нильссон 1998, 156), образовавшимся в результате упадка старых богов.

Тексты *κατάδεσμοι* как источники для понимания религиозной культуры классических Афин

Итак, таблички с проклятиями являются ярчайшим свидетельством становления классического полисного духовного мира. При этом практика связывающего проклятия практически полностью противоположна общественным культам. Если молитва, вне зависимости от цели, чаще всего произносилась вслух (Латышев 1997, 66), то текст проклятия писался втайне на свинцовой табличке, которая после этого сворачивалась и пронзалась гвоздем, чтобы исключить возможность прочтения ее кем-то другим (Кагаров 1918, 17). Если праздничные жертвоприношения (как еще один способ, наравне с молитвой, умиловить богов) являлись действиями общественными и приобретали порой общеполисный масштаб (Латышев 1997, 87), то практика создания связывающих проклятий относится к частным, совершаемым тайно и в одиночку. Однако как тексты связывающего проклятия, так и ритуал могут свидетельствовать о сохраняющейся довольно тесной связи религии и суеверия в сознании грека.

В первую очередь стоит отметить, что тексты связывающих проклятий V–IV вв. до н. э., если только не представляют собой простой список имен предполагаемых жертв в винительном падеже, содержат упоминания тех же хтонических божеств, что почитались в самом полисе. Увидеть это можно на примере аттической надписи IV в. до н. э., изданной Р. Вюншем (R. Wünsch) в 1897 г. в составе самого первого корпуса эпиграфических надписей этого типа «Defixionum tabellae Atticae» (DTA):

[Φ]ερέν[ικο]ς πρὸς τὸν Ἑρμῆν τὸν χθόνιον καὶ [τὴν Ἐ]-
κάτην χθονίαν καταδέδεσθω· Γαλήνην, ἥτις Φερεν[ί]-
και, καταδέω πρὸς Ἑρμῆν χθονικὸν καὶ Ἐκάτην χθονίαν
κατα[δ]-
έω· καὶ ὡς οὗτος ὁ βόλυβδος ἄτιμος καὶ ψυχρός, οὕτω
έκε<ι>νος καὶ τὰ
έκε<ι>νω ἄτιμα [κ]-
αἰψυρχάεστω καὶ τοῖς μετ' έκε<ι>νο(υ) ἀπεριέμο(υ)
λέγοιεν καὶ βο(υ)λευοίατο.
Θερσίλοχος Οἰνό[φιλος] Φιλώτιος καὶ εἴτ[ις] ἄ-
λλος Φερενίκοι σύνδικ[ος, πρ]ὸς τὸν Ἑρμῆν τὸν
χθόν[ι]-
ον καὶ Ἐκάτην χθονίαν καταδέδεσθω· Φερενίκο(υ)
κα[ί ψυ]-
χὴν καὶ νο(υ)ν καὶ γλωτταν καὶ βο(υ)λὰς καὶ [τ]ὰ
πράττει καὶ τὰ περὶ έμο(υ)
βο(υ)λε[ύ]εται, ἅπαντ' αὐτῶι ἀντία έστω καὶ τοῖς μετ'
έκε<ι>νο(υ)
βο(υ)λεύο(υ)σιν καὶ πράττο(υ)σιν.
καὶ ὅσον <...>
Ἑρμῆς χθόνιος
καὶ Ἐκάτη χθονία (Wünsch 1897, 28).

«Пускай в присутствии Гермеса Подземного и Гекаты Подземной Ференик будет связан. Я связываю (2 р.) Галену, принадлежащую Ференику, в присутствии Гермеса Подземного и Гекаты Подземной. И как этот кусок свинца ничего не стоит и лишен жизни, пускай этот человек и вещи его ничего не будут стоить и будут лишены жизни (то же самое) для тех, кто вместе с ним против меня что-либо говорят или замышляют. Терсилох, Ойнофил, Филотий и все, кто защищают Ференика в суде, пускай будут связаны в присутствии Гермеса Подземного и Гекаты Подземной. Душа Ференика, его разум, язык, желания, его дела, замыслы против меня, — пускай все эти вещи обернутся против него и против тех, кто вместе с ним задумывает и работает. И что бы ни...»

Гермес Подземный и Геката Подземная (здесь и далее перевод автора. — В. Е.)».

Уже у Гомера можно найти упоминание о Гермесе-посреднике между царствами живых и мертвых: именно он провожает души умерших женихов Пенелопы в загробный мир (Homer 1919, 404). Именно хтоническому (подземному) Гермесу в классических Афинах приносили жертвы на третий день общеаттического праздника Анфестерия (Буркерт 2004, 388). Геката и вовсе — божество с древнейшими малоазийскими корнями, с самых древних времен ассоциировавшаяся с царством мертвых. Она становится вечной спутницей дочери Деметры Персефоны, которая проводит полгода среди живых, другую же половину — в царстве Аида (Буркерт 2004, 387, 301). Именно Деметре и Персефоне справлялся самый знаменитый культ классической Греции — Элевсинские мистерии (Буркерт 2004, 487). В тексте проклятия имена Гермеса и Гекаты с соответствующими эпиклесами употреблены в винительном падеже с предлогом πρὸς. Это говорит о том, что создатель таблички не взывает к богам (об этом говорят отсутствие звательного падежа и соответствующих форм глагола), а как бы просит их засвидетельствовать факт «связывания». Он делает это «перед лицом, в присутствии» божеств. Здесь находит отражение тот самый процесс демократизации религии. В Афинском полисе боги — покровители общины, но они не обитают в каких-то незримых далеких мирах. Они постоянно присутствуют здесь, в общине, и демос выстраивает с ними отношения, похожие на отношения с более влиятельными гражданами, способными оказать покровительство. Антропоморфизм, присущий греческим богам еще с гомеровских времен, также оказывает влияние на то, что вместо мольбы мы видим приглашение в свидетели.

Далее, довольно часто тексты проклятий могут содержать так называемые voces magicae

или *barbara onomata* — бессмысленные сочетания звуков и слов, иногда представляющие собой сильно искаженные имена божеств из других культов (часто восточных). Подобный феномен, обнаруживается и в практиках полисной религии, когда «бессмысленные» слова и выражения выкрикивались в ходе процессов (Буркерт 2004, 134).

Заслуживает внимания и материал носителя. На сегодняшний день существует две точки зрения на вопрос о причинах выбора свинца. Так, многие исследователи еще с XIX в. объясняют его доступностью, дешевизной и распространенностью материала. Этой точки зрения сегодня придерживается, например, Х. Верснел (H. Versnel), упоминая факт использования свинца при создании частных писем и «заметок любого рода» (Versnel 2006, 317). Однако альтернативная точка зрения, предполагающая ритуальный подтекст выбора, выглядит более убедительной сразу по нескольким причинам. Во-первых, общеизвестен факт широкого распространения в Афинах керамики в качестве материала для письма. Остраконы часто выступали в качестве основы для коммерческих, официальных и частных записей, не говоря уже о знаменитой гражданской процедуре остракизма. Однако, как справедливо замечает Дж. Ламонт (J. Lamont), количество связывающих проклятий, написанных на столь доступном и распространенном носителе, значительно уступает количеству обнаруженных текстов на свинце (Lamont 2021, 37). Во-вторых, известно, что данный металл наделялся сверхъестественными свойствами в античном сознании. Об этом, в частности, упоминает Е. Г. Кагаров — один из немногих авторов фундаментальных исследований связывающих проклятий, еще в начале XX в. выдвигавших «ритуальную» версию использования свинца. Он же отмечал факт широкого использования этого металла в религиозных ритуалах, например для записи оракулов (Кагаров 1918, 13). Наконец, сами тексты некоторых проклятий содержат свидетельства в пользу магической версии. Так, в приведенном выше примере, созданном по формуле *similia similibus*, автор желает, чтобы свойства свинца, на котором написан текст проклятия, перенеслись на «разум, язык, дела, замыслы» противника. То есть выбор в пользу названного металла кажется принципиальным и обусловленным особенностями религиозного сознания представителей античной культуры.

Теперь вернемся к самому ритуалу. Как упоминалось выше, готовую табличку с нанесенными текстами проклятий сворачивали и, как правило, пронзали гвоздем (кстати, именно эти факторы, наряду с хрупкостью материала носителя, делают тексты большинства обнаруженных *κατάδεσμοι* не подлежащими восстановлению). Затем она захоранивалась в местах, связанных с умершими: в некрополях или, чаще, в сами могилы (Ogden 2009, 210). Это можно объяснить сразу несколькими причинами. В первую очередь, могло предполагаться, что недавно усопший еще не начал путь в Аид, а потому может взять с собой и впоследствии передать хтоническим божествам связывающее проклятие. Особенно интересно, что автор лондонского магического папируса предлагает поместить табличку «*παρὰ ἄφρον*», т. е. «к умершему несвоевременно» (Preisendanz 1931, 18). Такой выбор мог быть связан с тем, что в сознании гражданина полиса рано умерший еще не успел проявить себя как часть общины. Далее, закапывание в землю таблички с гвоздем наводит на ассоциации с ямами, которые выкапывали специально для принесения жертв хтоническим божествам в рамках установленных полисом религиозных обрядов (Буркерт 2004, 351). Таким образом, одновременно с практическим назначением «письмо в Аид» могло быть и вотивом — даром обитателям загробного мира, убеждающим исполнить просьбу.

Выводы

Изучение практики связывающих проклятий позволяет реконструировать часть религиозного сознания жителя афинского полиса классической эпохи. Эти источники становятся особенно ценными, если учесть факт довольно строгой регламентации религиозной культуры полиса и практически полное отсутствие в письменных источниках указаний на практики, считавшиеся маргинальными, которые, однако, сыграли важнейшую роль в духовной жизни античной Греции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Буркерт, В. (2004) *Греческая религия: Архаика и классика*. СПб.: Алетейя, 584 с.
- Вернан, Ж.-П. (1988) *Происхождение древнегреческой мысли*. М.: Прогресс, 221 с.
- Кагаров, Е. Г. (1918) *Греческие таблички с проклятиями*. Харьков: Типо-литография Г. П. Радовильского, 81 с.
- Латышев, В. В. (1997) *Очерк греческих древностей: в 2-х ч. Ч. 2: Богослужбные и сценические древности*. СПб.: Алетейя, 343 с.
- Нильссон, М. П. (1998) *Греческая народная религия*. СПб.: Алетейя, 218 с.
- Eidinow, E. (2007) *Oracles, curses, and risk among the ancient Greeks*. Oxford: Oxford University Press, 534 p. <https://www.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199277780.001.0001>
- Jordan, D. R. (1985) A survey of Greek defixiones not included in the special corpora. *Greek Roman and Byzantine Studies*, vol. 26, no. 2, pp. 151–197.
- Lamont, J. (2021) Cold and worthless: The role of lead in curse tablets. *Transactions of the American Philological Association*, vol. 151, no. 1, pp. 35–68. <https://www.doi.org/10.1353/apa.2021.0001>
- Ogden, D. (2009) *Magic, witchcraft, and ghosts in the Greek and Roman worlds*. New York: Oxford University Press, 400 p.
- Versnel, H. S. (2006) Ritual dynamics: The contribution of analogy, simile and free association. In: E. Stavrianopoulou (ed.). *Ritual and communication in the Graeco-Roman world*. Liège: Presses Universitaires de Liège, pp. 317–327.

Sources

- Demosthenes. (1935) *Orations. Vol. III: Against Meidias. Against Androtion. Against Aristocrates. Against Timocrates. Against Aristogeiton 1 and 2 (21–21)*. Cambridge: Harvard University Press, 608 p. (In English)
- Homer. (1919) *The Odyssey. With an English translation by A. T. Murray: In 2 vols. Vol. 2*. London: William Heinemann Publ., 455 p. (In English)
- Plato, J. A. (ed.). (1909) *The Republic of Plato*. Cambridge: University Press, 329 p. (In English)
- Plutarch. (1914) *Plutarch's lives: In 11 vols. Vol. 1: Theseus and Romulus. Lycurgus and Numa. Solon and Publicola*. Cambridge: Harvard University Press, 582 p. (In English)
- Preisendanz, K. (1931) *Papyri Graecae Magicae. Die Griechischen Zauberpapyri [Greek Magical Papyri]*. Leipzig: Berlin: Teubner Verlag, 120 S. (In German)
- Wünsch, R. (1897) *Defixionum tabellae atticae*. Berlin: Reimer Publ., 52 p. (In Latin)

References

- Burkert, W. (2004) *Grecheskaya religiya: Arkhaika i klassika [Greek religion: Archaic and classical]*. Saint Petersburg: Aletheia Publ., 582 p. (In Russian)
- Eidinow, E. (2007) *Oracles, curses, and risk among the ancient Greeks*. Oxford: Oxford University Press, 534 p. <https://www.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199277780.001.0001> (In English)
- Jordan, D. R. (1985) A survey of Greek defixiones not included in the special corpora. *Greek Roman and Byzantine Studies*, vol. 26, no. 2, pp. 151–197. (In English)
- Kagarow, E. G. (1918) *Grecheskie tablitchki s proklyatiyami [Greek curse tablets]*. Kharkiv: Tipo-litografiya G. P. Radovil'skogo Publ., 81 p. (In Russian)
- Lamont, J. (2021) Cold and worthless: The role of lead in curse tablets. *Transactions of the American Philological Association*, vol. 151, no. 1, pp. 35–68. <https://www.doi.org/10.1353/apa.2021.0001> (In English)
- Latyshch, V. V. (1997) *Ocherk grecheskikh drevnostej: v 2-kh ch. Ch. 2: Bogosluzhebnye i scenicheskie drevnosti [Outline of Greek Antiquities: In 2 parts. Pt. 2: Liturgical and stage antiquities]*. Saint Petersburg: Aletheia Publ., 343 p. (In Russian)
- Nilsson, M. P. (1998) *Grecheskaya narodnaya religiya [Greek popular religion]*. Saint Petersburg: Aletheia Publ., 218 p. (In Russian)
- Ogden, D. (2009) *Magic, witchcraft and ghosts in the Greek and Roman worlds*. New York: Oxford University Press, 400 p. (In English)
- Vernant, J.-P. (1988) *Proiskhozhdenie drevnegrecheskoj mysli [The origin of Greek thought]*. Moscow: Progress Publ., 221 p. (In Russian)
- Versnel, H. S. (2006) Ritual dynamics: The contribution of analogy, simile and free association. In: E. Stavrianopoulou (ed.). *Ritual and communication in the Graeco-Roman world*. Liège: Presses Universitaires de Liège, pp. 317–327. (In English)

Сведения об авторе

Вера Павловна Емельянова

ResearcherID: [AAG-2677-2020](#), ORCID: [0009-0001-9809-4716](#), e-mail: emeljanovavp@herzen.spb.ru

Ведущий библиограф, магистрант кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Vera P. Emelyanova

ResearcherID: [AAG-2677-2020](#), ORCID: [0009-0001-9809-4716](#), e-mail: emeljanovavp@herzen.spb.ru

Senior Bibliographer, Master's Student, Department of Theory and History of Culture Herzen State Pedagogical University of Russia